

— Ты поистине ужасен, — с лёгкостью уклонившись от атаки Хуа Буюя, женщина насмешливо произнесла. — Неужели ты забыл, зачем вообще попал во Врата Тяньюань?

Кончик меча Хуа Буюя дрогнул, а в его сердце зародилось раздражение.

Женщина, уклоняясь от нескольких ударов, словно устав от этого, внезапно достала короткий меч, излучающий лунный свет. Его лезвие было угрожающе острым, и оно обрушилось на Хуа Буюя словно лавина.

Хуа Буюй смог отразить столь плотные атаки, но не смог избежать спрятанных в тенях меча летающих игл.

Белая одежда ученика постепенно окрашивалась в ярко-красный цвет.

Эти иглы не были обычными — раны, которые они оставляли на теле Хуа Буюя, не заживали благодаря крови клана Шэньнун.

Раны становились всё более многочисленными, кровь продолжала сочиться, а женщина, нанося удары, всё больше воодушевлялась, и её голос раздавался словно призрачный шёпот:

— Хуа Буюй, очнись! Твой любимый учитель убил тебя при первой же встрече!

Это был вопрос, который Хуа Буюй старательно избегал с момента своего возрождения. Доброта Цзи Цаншэна заставляла его бояться задуматься, почему тот был столь жесток к нему в прошлом. Ведь даже того злодея, который убил десятки потомков клана Шэньнун, он лишь лишил сухожилий, но почему же он решил убить его самого!

— Замолчи!

— Ха-ха-ха! Ты все эти годы обманывал себя, признавая врага своим отцом, и теперь всё ещё защищаешь его? — безжалостно кричала женщина. — Ты думаешь, почему он убил тебя? Это он послал того человека, чтобы уничтожить клан Шэньнун!

— Он спас тебя, был добр к тебе, лишь для того, чтобы ты был ему благодарен и добровольно стал его кровным рабом!

— Жалкий человек, ты даже не знаешь, что у Цзи Цаншэна есть тот, кому жизненно необходима Трава Шэньнуна, чтобы выжить!

— Ты лжёшь! — Хуа Буюй дрожал всем телом, уже не в силах отражать атаки женщины, весь израненный.

— Я лгу? — женщина внезапно остановила атаку. — Он ненавидит тебя! Ненавидит ваш клан Шэньнун за то, что вы рождаетесь без болезней и боли, а тот, кого он любит больше всего, вынужден вечно страдать!

Женщина подняла короткий меч, направив его остриё в сердце Хуа Буюя, точно так же, как когда-то Цзи Цаншэн поднял меч под дождём.

В момент, когда лезвие должно было пронзить его сердце, на груди Хуа Буюя вспыхнул белый свет, не имеющий температуры. Он остановил время и окутал его.

В этом свете Хуа Буюй увидел на лице обычно спокойного человека панику.

— Учитель...

Перед тем как упасть в объятия Цзи Цаншэна, Хуа Буюй увидел за ним человека в белоснежных одеждах, чья красота затмевала всё вокруг.

В двух жизнях Цзи Цаншэн никогда не видел такого выражения лица у Хуа Буюя.

Он всегда был как камень, гордый и непреклонный, упрямый до небес, и даже боль и смерть не могли его остановить.

Будь то Высший бессмертный Тахуа, пробивающийся через море трупов в Долине Бога Смерти, или ребёнок, который, даже не умея держать меч, всё же пытался сражаться, в его мире, казалось, не было места смирению.

Пальцы Цзи Цаншэна, сжимающие воротник Хуа Буюя, дрожали. Он не мог понять, была ли это ярость или боль.

Чья-то рука легла на его плечо, и спокойный, холодный голос за спиной помог ему успокоиться, не давая эмоциям выйти из-под контроля.

Впервые кровь клана Шэньнун заживала так медленно. Юноша хмурился, словно переживая ужасный кошмар.

— Тахуа, проснись, — позвал Цзи Цаншэн несколько раз, но не получил никакого ответа.

— Ты тоже стал таким нетерпеливым.

Мужчина со светлыми волосами смотрел на своего ученика, и в его глазах мелькнуло сложное выражение.

— Ученик был слишком тороплив, — глубоко вздохнув, Цзи Цаншэн успокоил волнение в сердце, разжал пальцы и приложил их к груди юноши, кончики пальцев окрасились липкой алой кровью.

Мягкий золотой свет медленно вытекал из его руки, исчезая в плоти, мягко заживляя раны на теле юноши.

Остановив кровотечение, Цзи Цаншэн попытался проникнуть в сознание Хуа Буюя, но обнаружил, что там пусто.

Душа юноши была заперта в море сознания, полностью отрезанная от внешнего мира, а тело превратилось в пустую оболочку. Если он не выйдет оттуда, то навсегда погрузится в сон.

— Учитель, — голос Цзи Цаншэна был почтительным, но в нём чувствовалась непреклонная решимость.

Мужчина смотрел на него долгое время, затем вздохнул:

— Иди.

— Но если через время сгорания одной палочки благовония ты не выйдешь, я разрушу его море сознания.

Цзи Цаншэн горько усмехнулся:

— Учитель, я не могу бросить его.

— Он для тебя настолько важен?

Человек, сидящий на коленях, молчал.

— Хм! Даже мне, своему учителю, не говоришь, вырастил сына, а он как вода, вылитая на землю! — мужчина, не проявляя никаких признаков учителя, сердито скрестил руки на груди и сел спиной к ним.

Цзи Цаншэн, глядя на его спину, вздохнул в душе и опустил взгляд. Его правая рука переплелась с пальцами юноши, а левая легла на его грудь. Медленный и тяжёлый ритм сердца бился в его ладони, выбивая все посторонние мысли.

Цзи Цаншэн наклонился, их лбы соприкоснулись, и без активного участия Хуа Буюя ему пришлось использовать этот наиболее близкий способ, чтобы постепенно синхронизировать их сознание.

Сознание Хуа Буюя было заперто в море сознания, его духовные колебания были едва заметны, словно этот ребёнок из самых глубин своей души отвергал этот мир.

Дыхание его было настолько слабым, что казалось, вот-вот исчезнет. Цзи Цаншэн невольно сжал руку, которая была немного шире его собственной, передавая своё тепло.

— Тахуа... — он мысленно позвал. — Впусти меня.

Хуа Буюй погрузился в бесконечную тьму. Вокруг не было ничего, но это совсем не пугало его.

Чёрнота притупила его чувства и сознание, словно бездна, погружая его всё глубже.

Внезапно перед ним появилась фигура, и, очнувшись, Хуа Буюй обнаружил, что в его объятиях лежит человек.

Тот был одет в белоснежные одежды, его лицо было прекрасным, но безжизненным, как у мёртвеца.

— Учитель? Учитель! — Хуа Буюй обнял холодного, как лёд, Цзи Цаншэна, заметив, как губы того постепенно становились фиолетовыми, словно он был отравлен.

— Учитель... — он не мог сдержать дрожь, никогда ещё он не боялся так сильно, боялся, что Цзи Цаншэн умрёт.

Человек в его объятиях медленно открыл глаза, и холодный взгляд, подобный лезвию, пронзил его сердце:

— Это ты.

— Я...

— Это ты отравил меня, лишив моих сил.

Хуа Буюй сглотнул, не в силах издать ни звука.

— Хуа Буюй... зачем ты убил меня?

— Я не... — Хуа Буюй внезапно вздрогнул, меч Юйфэн в его руке пронзил сердце Цзи Цаншэна, и взгляд разочарования, который он не мог избежать, словно пронзил его собственное сердце.

Хуа Буюй в панике отпустил меч, на его руках осталась тёплая кровь, он не смел смотреть больше, повернулся и побежал, но оказался в комнате, окружённой барьерами.

Цзи Цаншэн сидел на краю кровати, его тело дрожало, он кашлянул кровью и спросил:

— Зачем ты причинил мне вред?

В прошлой и этой жизни Хуа Буюй ранил Цзи Цаншэна слишком много раз, он не раз ставил того на грань гибели, и то, что он считал справедливостью, действительно ли было ею?

— Хуа Буюй! Ты что, ослеп?

— Не подходи больше, Высший бессмертный Тахуа, давай жить каждый своей жизнью, разве это не лучше?

— Я не... ладно, считай, как хочешь.

— Ты понимаешь, что ты делаешь!

— Я спас тебе жизнь, не мешай мне, разве ты не можешь поверить мне хоть раз?

— Если ты умрёшь, кто же тогда разгрести этот бардак?

Воспоминания настойчиво атаковали, всё из прошлой жизни взрывались в голове Хуа Буюя, вызывая невыносимую боль, он невольно опустился на колени.

Те части воспоминаний, где Цзи Цаншэн предупреждал его или спасал, словно были закрашены белым, а сцены, где Цзи Цаншэн появлялся в разломах мира демонов, управляя живыми мертвецами, чтобы открыть врата ада, были ясны, словно это произошло вчера.

Эти воспоминания и доброта Цзи Цаншэна в этой жизни сражались в его голове, мешая ему думать, голова раскалывалась от боли, и он был на грани безумия!

— Тахуа!

Во тьме перед ним появилась чисто белая фигура, её хрупкое тело рассеяло всё вокруг, лёгкий аромат окутал его, нежно, словно оберегая самый хрупкий сокровище в мире, руки обняли его дрожащее тело.

Всё остановилось.

— Учитель... — прошептал Хуа Буюй. — Почему ты стал таким, зачем превратил этот мир в ад?

— Всё в порядке, — Цзи Цаншэн мягко погладил спину Хуа Буюя, успокаивая. — Я здесь, всё в порядке.

Авторское примечание: Начинаем!

Есть правки — это исправление опечаток, можно не обращать внимания. Запускаем ежедневные обновления!

<http://bllate.org/book/17680/1648300>